

СТРАНА БЕЛОВОДЬЯ

Наталья Мамбеева

ВАСИЛЬКОВОЕ ПОЛЕ

Васильковое поле
Вперемешку с ромашкой.
Васильковое поле,
Как душа – нараспашку.
Во все стороны – ветер.
Во все стороны – воля.
Тайной радостью светится
Васильковое поле!
И вздохнёшь, и заплачешь,
Красотой восхищаясь.
Все обиды утратишь,
Но а счастье оставишь.
Здесь душистые травы
Зацелованы солнцем.
И клубничным угаром
Мир наполнен до донца.
Я здесь – малая пташка,
Что летит из неволи.
Вперемешку с ромашкой –
В васильковое поле.

КОЛОДЕЦ

Отчерпала из колодца
Не одно ведро воды.
Вороток кручу, цепь вьётся,
Словно нить моей судьбы.
Удивительное дело,
Мне не мало уже лет,
Ну а я бы всё летела
И несла с собою свет.

Цепь крутила бесконечно,
Доставая из глубин
Чьё-то счастье,
Чей-то вечер,
Радость вёсен, мудрость зим.
Я ничуть бы не устала
И черпнула бы, любя,
Из рассвета зорьки алой,
Чтоб плескалась для тебя.

ВЫБОРЫ

Дитя послевоенное,
Я помню эти праздники.
Варилось пиво пенное,
Наряды шились разные.

И мужики с медалями
Так чинно шли по улице,
Девчата хохотали,
От счастья бабы жмурились.

С рассвета шли на выборы –
Голосовать за Партию.
Мы ж, волосёнки дыбом,
Гордились новым платьем.

Их ждали возвращения.
Топтались под тальяночку.
В награду нам – печенье
И с леденцами баночки.

А музыка звучала –
То вальсы, то фокстрот –
И к счастью призывала
Измученный народ.

И верили, и знали:
 Оно ещё прейдет.
 Не зря же воевали.
 Пусть детям повезёт.

Всей улицей гуляли –
 От дома к дому шли.
 И открывались дали
 Нам песнями любви.

На наши развлечения
 Давали по рублю.
 И мучили сомнения:
 А что же я куплю...

За три копейки – воду,
 В кино – за пятак,
 Мороженое сходу
 И братику волчок.

На крепких сидя ветках,
 Жалели лишь о том,
 Что Выборы так редко
 В наш приходили дом.

ДУШИ РОДНЫХ

Стайка синиц бьётся, бьётся в окно.
 Души родных, говорят, прилетели.
 Смотрю я на них,
 всё в узорах стекло.
 Декабрь, мороз, далеко до апреля.
 Открою фрамугу, насыплю зерна.
 Клюйте, родимые, клюйте и грейтесь.
 Из вечных глубин поднималась волна
 С песнею ветра –
 живи и надейся.
 И верь, что синицы и правда – родня,
 И береги их, ведь души любимых
 Всегда оберегом хранили тебя
 От бед и потерь, были рядом незримо.
 А время придёт,
 постучишься сама
 Голубкою белой в окошко родное.
 И станет теплее и мягче зима,
 Когда тебе также окно приоткроют.

Александр Исаченко

НА ОКНАХ СТАВЕНКИ

На окнах ставенки – цветные бабочки,
 Глаза ласкает их нежный вид.
 Герань за стеклами, ворота, лавочки...
 Кто едет мимо, притормозит.

Кусты черемухи, рябины с клёнами,
 И в палисаднике цветет сирень.
 Гуляет кошка, глаза зелёные.
 И тихо катится куда-то день.

И гуси к вечеру бредут нахальные,
 Их ждёт отборное на корм зерно.
 А мама, мамочка, лицо печальное,
 Из прошлой жизни глядит в окно.

На окнах ставенки – цветные бабочки,
 Играют крылышки зарёй в окне.
 Уходят в прошлое родные мамочки.
 И окна в пластике совсем не те...

* * *

Солнце – яблочко
 мимо катится,
 и летят деньки день за днём.
 На Белках зима
 В тучах прячется,
 А внизу вчера снег с дождём.

Распогодилось, да разведрилось:
 Белый снег кругом, синева!
 А внизу моя дочь красавица,
 Ясны соколы
 сыновья!

И жена не спит,
 Ждёт любимая,
 Смотрит вдаль
 Краса у окна.
 Я вернусь к тебе,
 Глаза синие.
 Гонит ветер вдаль облака.

СТРАНА БЕЛОВОДЬЯ

Поселки в тайге, города на равнине,
 Аулы в степи, косяки лошадей.
 Купцы в караваны седлают машины,
 И шелковый путь восхищает людей.

Дорога клубится и ночью, и днём:
 То пылью пустынной,
 то снегом искрится.
 Равнина легка, да тяжёлый подъем:
 Рычит длинномер,
 как в лесу медведица.

Кедровая лапа да ветка полыни,
 Таёжные дебри, таинственный край,
 Озёрная гладь и барханы пустыни:
 Страна Беловодья, мой Рудный Алтай!

Надежда Максимова

МИНУТА РАДОСТИ ХРУПКА

Хрустальным звоном ручейка
 Я очарована, и всё же
 Минута радости хрупка
 И так она бесценна, Боже!

Невольно тянется душа,
 Теряя плоть и обретая.
 Сейчас у кромки Иртыша
 Одна стою я, чуть живая.

И, соглашаясь улететь,
 Я всё же чую под ногою
 Знакомую до боли твердь,
 Так невесомую весною.

ЧИТАЯ ПИСЬМА О ВОЙНЕ

Заставив сердце биться гулко,
 Уже который год подряд
 Хранила старая шкатулка
 Былой войны бесценный клад.

Здесь были письма и медали.
 Уже привыкнув к тишине,
 Они безмолвные лежали
 напоминая о войне.

О той далёкой, где солдатом
 Ушёл мой дедушка на фронт,
 И где в победном, в сорок пятом,
 Закрыв собой фашистский дзот.

От стен Москвы и до Берлина
 Прошёл с боями полземли.
 В родном краю, где ждали сына,
 В садах дерева зацвели.

А он в свинцовой круговерти
 Смертельно раненый лежал,
 И ангел, что спасал от смерти,
 На миг к нему, но опоздал.

Сцедив к утру остаток жизни,
 Сквозь затухающую боль,
 Он видел, как у дома вишни
 Земную скрасили юдоль,

Как мать, роняя похоронку,
 Сама упала у ворот,
 Как он в родимую сторонку
 К жене и сыну не придёт.

Стирает время наши лица,
 Но подвиг облекает в бронь.
 Пока мы живы – будет биться
 Священной памяти огонь.

Лишь звёзды небо обозначат,
 Я вновь услышу в тишине,
 Как дочка младшая заплачет,
 Читая письма о войне.

* * *

Пусть пока еще землю знобит
 в простыне
 Из снегов, что приникли к оврадам,
 Но уже колокольцем звенит о весне
 Неустанная песня над садом.

Но уже пробивается первый росток
Сквозь сомненья и страхи людские,
И горит, согревая пригорки, восток,
Пробуждая ростки молодые.

Наконец этот свет отзовется во мне,
Прозвенит колокольчиком ради
Пары новых ручьев, что поют о весне,
Расплескавшись по строчкам в тетради.

И, заслышав
веснянки молодой каблучки,
Солнце вновь заберётся на крышу,
Как берёзовым соком напьётся с руки,
Каждый лучик его я услышу.

Николай Терасимов

* * *

Брожу селом дедов своих – потомок.
Здесь свято всё. Здесь, встав под образа,
Молились предки трепетно с пелёнок.
Теперь вот окна брошенных избёнок
Напоминают прошлого глаза.

Вздыхает север, и земля подстыла.
Скрипит без листьев старая ветла.
Она жива, весной нальётся силой,
Жаль окон ей, которые уныло
На мир глядят осколками стекла.

А как всё было славно
в прошлом светлом!
Но прахом всё ушло. Народ забыт.
Отмерено для всех в пути два метра.
Как хочется завять мне
вместе с ветром,
О прошлом плакать
горестно, навзрыд.

В истории села всё время скрало.
А сколь событий было, сколь имён?
Себя жалеть мне как-то не пристало.
Я помню всё. Всего пришлось немало.
Я здесь последний отзвук тех времён.

БЕЗВОЗВРАТНО

Оставляю все думы свои на потом,
Для себя не хочу перемен и открытий.
Но зачем вдруг душа
отлетевшим листом
Встрепенётся тревожно
в безмолвье пустом
В ожиданье каких-то неясных событий?

Почему-то всё вспомнить
я рад и не рад,
Что давно бы пора
позабить безупречно.
Память вновь вынуждает
вернуться назад,
В муки бывших дорог и тревог, и усад
В отшумевшие годы,
ушедшие в вечность.

И с вершин мною прожитых
творческих лет
Мне видны стали в жизни
пригорки и ямы.
Открывается заново пройденный след
Всех ошибок моих,
скоротечных побед
И ненужных дорог,
что протопал упрямо.

Что ж, в итоге пути неприкрыто видна,
Словно нерв,
оголённая в думах стократно,
За неправильность
в пройденной жизни вина.
Не прощает беспечности нам седина,
Но что было,
ушло навсегда, безвозвратно.

* * *

Выйду ночью на берег ловить чудеса,
Отпущу дух фантазии в лёгкий полёт.
Вот и мост.
Под мостом в серебре полоса,
Между камушек струйки творят голоса –
Это реченька нежные песни поёт.

Песня льётся чудесно о чём-то своём,
То печально всплакнёт,
 то вздохнёт веселей,
То всплеснёт в перекатах
 лихим соловьём.
Я тихонько с мольбой попрошу-ка её:
«Спой мне, реченька,
 песню о жизни моей».

В этом мире неласковом Богом дано
Безутешное горе и радость познать,
Вечно гнаться за счастьем.
 Но где же оно?
Ты, наверное, помнишь,
 как очень давно
Колыбельную песенку пела мне мать.

Сердцу радость дарила,
 терзала беда.
Брёл я с тяжкой поклажей,
 то мчался легко.
Время мчалось за мной.
 В серебре борода.
Был я в жизни счастливым,
 пожалуй,
 тогда,
Когда пил материнской груди молоко.

* * *

Я уезжал. Как нелегко
Родимый дом, тепло его
Оставить, потеряв покой...
Судьба носила далеко
От милых сердцу берегов.

Тогда пролил немало слёз.
И мысленно издалека
В свой край спешил в виденьях грёз.
Без зорь рябиновых, берёз
Сушила сердце мне тоска.

От милой родины вдали
Познал я злой судьбы игру.
До дому тропы привели.
Знал сердцем: без родной земли
Сухим я деревом умру.

Любовь Мегведева

СОСТРАДАНИЕ

Памяти Олега Постникова

До боли любовь.
 Словно след от бича,
алеют слова сострадания.
Чужая беда до того горяча,
что перекрывает дыхание.
Затем у поэта душа на разрыв,
судьба на лохмотья изодрана,
что голоса неисцелимый надрыв
звенит вместо лозунга бодрого.
До правды суровой доходит поэт,
до бреда, до боли неистовой.
Но вот и затеплился в сумерках лет
луч неугасаемой истины.
И сырым, и серым дается тепло,
хотя бы скупое словесное.
Любовью людей наделять тяжело,
как вольной, спасительной песнею.
Огладить словами,
 утишить беду
поэту-провидцу доверено.
А он, потрясенный, у всех на виду,
касается нищего бережно.
Рассвет,

 словно кровью закапанный снег.
Так вот она, скорбная родина,
где на перекрестке стоит человек
и Господу молится вроде бы.
Он, словно Христос
 на скрещенье дорог,
до срока распят состраданием.
В лютующей жизни он выжить не мог,
в стихи превращая рыдание.

* * *

Кому угодно ласку отдаем,
Цветам и птицам,
 не друзьям-знакомым.
И, одолев предательский подъем,
Друзей-врагов
 решительно не помним.

Но были же счастливые слова
и легкие порхающие платья!
Судьба не может вечно баловать
и никогда не размыкать объятия...
Не люди плохи.
 Времени недуг
терзает и доводит до могилы.
Произношу все реже слово «друг»,
а прежде всех без памяти любила.
Почти убитая,
 я все-таки люблю
родных и близких, но особой мерой.
И на краю страдания молю:
пусть озарит Господь любимых верой!

* * *

Любовью звонкой жизнь озарена.
Свет золотой резные листья копят.
Он прибывает, как бесценный опыт:
разбитая дорога не черна.
Она с утра застелена лучами.
Бреду одна петляющей тропой.

Но льется свет отвесный, нескончаем.
Просила мама:
 – Чаще песни пой!
Не плачь, слезами горю не поможешь.
Безумью дверь не стоит отворять...
Осенний свет непрошено тревожен,
Но листья чистым золотом горят.
Как жизнь назад, поддерживает мама,
но мне одной теперь придется петь.
Оконные позвякивают рамы,
но мамин улыбается портрет.
Навстречу буре побреду упрямо.
Как рой листвы, летят ко мне слова.
Со мною вечно рядом сын и мама.
Певучий дух попробуй-ка сломать!
Любовью звонкой жизнь моя полна.
И через край душа теплом богата.
Вернуть назад любимых не вольна,
но я сама к ним соберусь когда-то.
Подарит осень терпеливый свет.
Листвой устелена тропинка от порога.
И лучшая из радостных примет –
согрета солнцем битая дорога.

